

Михаил Александрович Каришнев-
Лубоцкий

Новые фарисеи

Михаил Каришнев-Лубоцкий

Новые фарисеи

«Автор»

Каришнев-Лубоцкий М. А.

Новые фарисеи / М. А. Каришнев-Лубоцкий — «Автор»,

ISBN 978-5-457-22212-0

ISBN 978-5-457-22212-0

© Каришнев-Лубоцкий М. А.

© Автор

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Картина первая	6
Картина вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Михаил Александрович
Каришнев-Лубоцкий
Новые фарисеи
(пьеса-притча в двух действиях)**

Действующие лица

Григорий Калиныч Катенёв
Ольга Николаевна Леденцова
Олег Николаевич Леденцов
Лёка
Лица
Павел Глухов
Михаил Глухов
Веня (Веник)
Маша (Мурка)
Пётр Иванович Сошкин
Амплей Захарович
Старушка Пухова
Капитан Авдеенко – участковый
Илья Ильич Сукинзон
Инга Гавриловна Сукинзон

Действие первое

Картина первая

(Утро. В гостиной Леденцовых на тахте спит ЛЁКА, а в кресле, положив ноги на стол, спит ВЕНИК. Раздается телефонный звонок. После пяти звонков телефон смолкает. ЛЁКА просыпается и берет трубку.)

ЛЁКА. Алло! (Кладет трубку, подходит к Венику и начинает его тормошить).

ВЕНИК (спросонья). Я больше не буду!

ЛЁКА. А я и не предлагаю. (После паузы). Ну что, погуляли?

ВЕНИК. Погуляли... Спина болит – страсть!

ЛЁКА. Обычно в таких случаях болит голова. Но за отсутствием головного мозга приходится отдуваться спинному.

ВЕНИК. Я что: опять ящики с вином таскал? (Лёка отрицательно мотает головой). Может быть, тебя нес? (Лёка презрительно улыбается). Тогда что же она, проклятая, болит-то так?!

ЛЁКА. Ты только не волнуйся, Веник... Не будешь?

ВЕНИК (испугавшись). Чего это ты?

ЛЁКА. Ничего. (После паузы). Ты попробуй вспомни вчерашний вечер.

ВЕНИК (после долгих и тягостных раздумий выдавливает из себя). У Нэлки... балдели...

ЛЁКА. Это позавчера. А вчера?

ВЕНИК. Может, все-таки машины разгружали с вином?

ЛЁКА. Нет, все моральные унижения я хорошо запоминаю...

ВЕНИК. Но ведь мы что-то таскали! Ох, спина...

ЛЁКА. Таскали. Но что?

ВЕНИК. Что?

ЛЁКА. Это я у тебя хотел бы узнать!

ВЕНИК. А я у тебя. Я-то ничего не помню.

ЛЁКА. Думаешь, я помню? Тяжелое что-то, это ты верно сказал. Вещь какая-то... Ты мне ее все никак не отдавал, сам тащил.

ВЕНИК. Вот дурак-то!

ЛЁКА. И еще помню: орал кто-то. Тетка какая-то. Орала – будто ее режут. Не по-человечески просто! (После паузы). Если это мы сейф грабанули, тогда нам все: крышка!

ВЕНИК. Ты что, Лёк?! Какой сейф?! Не брал я сейфа! Ты что?! Какой сейф?! Ой, мамочки...

ЛЁКА. Тяжелый сейф, очень тяжелый...

ВЕНИК. Да зачем он нам?!

ЛЁКА. Это ты у себя спроси – ты его тащил.

ВЕНИК. Я? (Морщится от боли в пояснице). Может быть... (После паузы). А куда мы его дели?

ЛЁКА (пожимая плечами). Это мы узнаем уже в милиции.

ВЕНИК (растерянно). Как же так... Я сроду не воровал сейфы... Сигареты у отца... Деньги у матери... Это было. А сейфы... Нет, сейфы я не воровал.

ЛЁКА. Теперь ты вырос, возмужал. Пора и за сейфы браться.

ВЕНИК. Да нет, ты что! Я его и не подниму вовсе!

ЛЁКА. «Под этим делом» и слона унести можно. Ты уж слонов не трогай, ладно?

ВЕНИК. Ты шутишь... А ведь ты со мной был, почему не удержал?

ЛЁКА. А я помню почему?

ВЕНИК (после паузы). Теперь что ж: ничего не будет? Ничего-ничего?

ЛЁКА. На какой-то срок... На какой – в суде скажут.

ВЕНИК. Но я же... Но мы же... Не умышленно, не нарочно!

ЛЁКА. Нечаянно сейфы не воруют. Дадут на всю катушку.

ВЕНИК. Моя мать не выдержит. Она и так... Я на работу хотел устроиться, для нее...

ЛЁКА. На работе трудно, на работе работают.

ВЕНИК. Я бы потерпел. Зато мать по ночам плакать бы перестала.

ЛЁКА. Теперь тебя работой обеспечат, будь спокоен!

ВЕНИК. Господи, зачем я с тобой связался! Что я от тебя раньше-то не ушел!

ЛЁКА. По-твоему, я виноват?

ВЕНИК. Ты! Всегда твои идеи выполняем! И за сейфом, наверное, ты меня послал!

Ты прикалываться любишь!

ЛЁКА. А ты бы не ходил!

ВЕНИК. С тобой не пойдешь! Ты любого уговоришь!

ЛЁКА. Ну, с тобой все ясно: в твоей жизни, выходит, я виноват... А кто виноват в моей? Маман так на меня надеялась: «Наш Лёка!.. Вот наш Лёка!.. Второй Лев Толстой!.. Второй Чайковский!..» Не второй, не двадцать второй... Четверть века прожил, а все – «Лёка»!

ВЕНИК. Молодо выглядишь, больше двадцати двух никто не дает.

ЛЁКА. Спасибо, утешил! (После паузы). Неужели для того, чтобы задуматься о своей жизни, нужно совершить преступление? Ведь не стащи мы вчера это... черт там знает что, мы и дальше жили бы также, по-прежнему. Впрочем, это я о тебе больше...

ВЕНИК. Я-то давно задумывался! Если бы не ты, я б уж давно все бросил.

ЛЁКА. И меня?

ВЕНИК. Из-за тебя и не бросил.

ЛЁКА. Теперь нас милиция, наверное, ищет... С собаками!

ВЕНИК. Ну да, с собаками!

ЛЁКА. Точно-точно. Хорошие такие собачки, умные. Подойдут они к тебе однажды и скажут: «Гутен таг, Веник! Хенде хох!» Перевести?

ВЕНИК. Не надо...

ЛЁКА. А потом махнут хвостами: мол, топай за нами!

ВЕНИК. Может, все еще уляжется...

ЛЁКА. Будем надеяться, что нам еще остается делать!

(В гостиную входит ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ.)

ВЕНИК. Здрасьте!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Привет, Вениамин. Хвораешь?

ВЕНИК. Да, простудился немного. Вот лечусь. (Кивает на пустую винную бутылку.) Я пошел? Пока! (Уходит.)

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Встретил вчера вечером Амплея Захаровича. Он мне опять на тебя жаловался.

ЛЁКА. Да? А ты, наверное, ждал от него комплиментов в мой адрес. Какое разочарование!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ (после паузы). Ты снова дрался?

ЛЁКА. Я?!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Ты.

ЛЁКА. Да.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Что прикажешь мне с тобой делать?

ЛЁКА. Сделай внушение. Выпори. Тебе дать ремень? А то твоими подтяжками мне совсем не больно.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Ты нас замучил. Ты всех нас страшно замучил! Мы тебя любим, а ты?..

ЛЁКА. И я... (После паузы). Я, наверное, лучше уеду.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Куда?

ЛЁКА. На юг. Или на север. А, может быть, на запад или восток. Я пока не решил.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Ступай за хлебом, хлеб кончился. И постарайся жить так, чтобы всякие Амплеи Захаровичи мне больше на тебя не жаловались.

ЛЁКА. Если бы ты сказал: «Постарайся жить по-человечески», я бы еще попробовал. А жить «по-амплевски» не смогу, это я знаю точно.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Учись у других! Еще не поздно! Вон у Ильи Ильича сынок: о-го-го! А сам Илья Ильич? Вот с кого пример нужно брать, эти своего не упустят!

ЛЁКА (декламирует). «Юноше, обдумывающему житье, думающему сделать бы жизнь с кого, скажу не задумываясь: делай ее с товарища Дзержинского!»

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Ты снова шутишь. А я с тобой серьезно разговариваю.

ЛЁКА. Нет, отец, и я серьезно. Дзержинский мне, конечно, по барабану, я не прадедушка-чумовой, но в мысли товарища Маяковского разумное зерно есть. Молодежи нужны идеалы. Только где их взять...

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Шел бы работать, зачем тогда уволился?

ЛЁКА. Я же говорил... Ушел от греха. Лучше что ли было бы, если я этого мастера побил?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Но разве его надо было обязательно бить?!

ЛЁКА. Конечно. Он же такие поборы со всех драл! А мне это не нравится. Ну, как тут не смазать? Вот и ушел... Сами же радовались?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Радовались... что не сел. И в кого ты такой уродился?

(ЛЁКА кивает в сторону висящего на стене портрета бравого молодого чекиста Г. К. Катенева – своего прадеда.)

ЛЁКА. В него, наверное, в прадедушку. Чекистам до всего дело было, вот и мне покоя нет.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Ты прадеда не тронь, он в бою погиб! В борьбе за это, как его, за светлое будущее! (После паузы). Алексей, давай я помогу тебе на хорошую работу устроиться. Менеджером или риэлтором?

ЛЁКА. Спасибо, отец, не надо. Я сам устроюсь, я уже подыскиваю.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Ну, как знаешь. (Срывается). Ты, Алексей, прожил уже немало лет, а сложностей жизни так и не понял!

ЛЁКА. Сложностей, может быть, и не понял, а вот безверие ваше, прикрытое красивыми словесами, хорошо понял.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. А сейчас вообще национальной идеи нет! (Успокаиваясь). Сам-то во что веришь, пророк?

ЛЁКА. Тайна!

(Входит ЛИКА.)

ЛИКА. Представителям высшего общества привет!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Здравствуй, Лика. Ну, как жизнь?

ЛИКА. Не идет, а катится!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Вот у нее вера есть, сразу видно!

ЛИКА. У меня не только вера есть, у меня еще и надежда теплится!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. На что?

ЛИКА. На то, что ты мне новые сапожки купишь.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Этот вопрос на семейном совете решим. Мне пора! (Уходит.)

ЛЁКА. Мне, кажется, тоже пора.

ЛИКА. И куда безработному спешить – не понимаю!

ЛЁКА. Вырастешь – поймешь. (Уходит.)

ЛИКА (подойдя к портрету прадеда). Вот такие дела, Григорий Калиныч... Живем – кто чем! Кто светлым будущим, кто сереньким настоящим...

(Входит ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Ты с кем разговариваешь?

ЛИКА (кивает на портрет). С ним. Но он не отвечает!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. И ты удивляешься? А если бы он ответил, ты бы не удивилась?

ЛИКА. Не знаю... Ведь этого не случилось.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Где Лёка?

ЛИКА. Куда-то спешил... Ушел.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Хоть ты позавтракай! Для кого я готовлю! (После паузы.) Лика, тебя вчера вечером так долго не было... Где ты была?

ЛИКА. Так... Гуляла...

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. До часу ночи?!

ЛИКА. Я пришла раньше. Просто я задержалась. На лестнице. Разговаривала.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. С кем?

ЛИКА. Ну, не все ли тебе равно? Разговаривала!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Ты от меня таишься... От своей родной матери... Кто тебе кроме меня может дать добрый совет, ну, кто?!

ЛИКА. Ты все расскажешь отцу, а он не поймет...

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Не бойся, он поймет все как надо!

ЛИКА (отрицательно мотая головой). Не-а!..

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Хорошо, я ему не скажу.

ЛИКА. Правда? Ты всегда ему все рассказываешь!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Раз я сказала, что не скажу, значит, не скажу!

ЛИКА (после паузы). А что рассказывать-то? Рассказывать нечего! Просто я была в кафе с одним человеком... Потом он проводил меня домой. Вот и все!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Что за человек? Я его знаю?

ЛИКА. Конечно, знаешь! Вадик Колокольцев, мой одноклассник.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Уфф, уже легче... Хотя по молодости... Он как себя ведет?

ЛИКА. В школе?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Сейчас меня, разумеется, больше всего интересует его поведение на уроках!.. С тобой он как? Лишнего не позволяет?

ЛИКА. Да ты что! О Вадике, обо мне могла так подумать?!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Не о соседях же сейчас мне думать... (Ласковее). Да ты не обижайся, я же люблю... Ну, и что же вы делали на лестнице? До часу ночи?

ЛИКА. Ничего. Разговаривали.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. О чем, если не секрет?

ЛИКА. Обо всем... Ты знаешь, он какой-то необыкновенный... С детства мечтает стать разведчиком! И никто об этом не знает, даже его родители!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Ишь ты какой «конспиратор»... Хорошо, хоть тебе сказал! Твой прадед был чекистом, считай, почти разведчиком. Ну и что? И сам погиб, и жену молодую вдовой оставил.

ЛИКА. Между прочим, некоторые бывшие разведчики президентами страны становятся! Вот так, мамочка!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Твоему Вадику это не грозит – место занято. Засунут его в какую-нибудь заморскую даль, а ты жди! Об этом ты мечтала?

ЛИКА. Сейчас рано про это говорить.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Не-ет, милая, самый раз! Потом поздно будет!

ЛИКА. Сколько раз зарекалась тебе обо всем рассказывать, и вот рассказываю... Больше не буду! И вообще: пока! Я в школу опаздываю.

(ЛИКА достает из книжного шкафа несколько книг и кладет их на стол. Две книги засовывает в красивый полиэтиленовый пакет и быстро уходит. ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА хочет положить оставленные на столе книги обратно в шкаф, но замечает в одной из них почтовый конверт. Немного поколебавшись, она открывает конверт и читает письмо.)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (кончив читать). Господи, какая простота! И кому верит: мужчине! (Машинально кладет конверт с письмом в карман халата.)

(Внезапно раздается звонок у входной двери. ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА идет встречать незванного гостя. Это – участковый инспектор капитан Авдеенко.)

Господи, опять вы! Ну, проходите...

АВДЕЕНКО. Не «Господи», а участковый инспектор капитан милиции Авдеенко Иван Егорович! Впрочем, сегодня вы можете считать меня посланцем самого Господа Бога...

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Что еще Алексей натворил? Не томите, выкладывайте!

АВДЕЕНКО. Он – ничего. А вот там (показывает пальцем на потолок) что-то произошло... Может быть, присядем?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Пожалуйста...

(ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА и АВДЕЕНКО садятся за стол. АВДЕЕНКО открывает кожаную папку, достает из нее какие-то бумаги, при этом внимательно поглядывает на портрет Григория Калиныча Катенева.)

АВДЕЕНКО. Вы в чудеса верите, гражданка Леденцова?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Нет. Только в чудеса науки верю. В чем дело, товарищ капитан? Что за намеки?

АВДЕЕНКО. Вы – Ольга Николаевна Леденцова. Так?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Так.

АВДЕЕНКО. Леденцова вы по мужу. Так?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Так.

АВДЕЕНКО. А девичья ваша фамилия Глухова. Так?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Ну, так.

АВДЕЕНКО. Пожалуйста, без всяких «ну». Это очень важно.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Да, Глухова.

АВДЕЕНКО. Отлично... Теперь последний вопрос: девичья фамилия вашей матери Катенёва. Верно?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Абсолютно верно.

АВДЕЕНКО. Что и требовалось доказать! (АВДЕЕНКО встает из-за стола, подходит к портрету Григория Калиныча, внимательно рассматривает его. Потом поворачивается лицом к Ольге Николаевне.) Так, говорите, вы в чудеса не верите? Ну, а в случайности удивительные, в феномены природы вы, хотя бы, верите?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Если наука этот феномен подтверждает, верю.

АВДЕЕНКО. Подтверждает! Даже справку с гербовой печатью дает! Да что там справка! Вы сюда посмотрите!

(АВДЕЕНКО быстро выходит из гостиной, но скоро возвращается. Он уже не один: рядом с ним ГРИГОРИЙ КАЛИНЫЧ КАТЕНЁВ. Его одежда сохранилась в клинике, поэтому на нем привычный «костюм» чекиста двадцатых годов: галифе, гимнастерка, кожанка, фуражка с красной звездой...)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (пристально всматривается в вошедшего и, вдруг узнав в нем своего деда, хватается за сердце). Боже мой... Григорий Калиныч... Дедушка...

АВДЕЕНКО (радостно хлопнув в ладоши). Опознала!!

КАТЕНЁВ (снимая с головы фуражку, начинает смущенно мять ее руками). Ну, здравствуй... Ольга...

(Затемнение.)

Картина вторая

(Конец рабочего дня. В гостиной квартиры Леденцовых пока одна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Она протирает пыль на книжных полках, поправляет в вазочке цветы. Возвращается с работы ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ.)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Где ты был, Олег?! Я звонила тебе раз двадцать! Тут такое творится!..

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Дела, Оленька, дела.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Какие могут быть дела! Тут такое!..

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Что-то случилось?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Ты в чудеса веришь?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Странный вопрос... В «божественные»? Нет, разумеется. Извини, воспитание не позволяет!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Пожалуйста, не шути! Мне не до шуток! (После паузы.) В сверхестественные чудеса и я не верю. Пока... А вот в чудо медицины я уже верю. А ты?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Медицина сейчас сильна, всякое возможно. Кого-нибудь клонировали?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (сердито замахав на мужа руками). Пожалуйста, не шути!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. А в чем дело, я не понимаю? Ты можешь мне толком объяснить, что произошло?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (от волнения начинает всхлипывать. Одной рукой достает платочек из кармана и вытирает слезы, другой рукой тычет в сторону портрета Катенёва). Он... Он явился!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Кто – он?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Он!.. Дедушка!..

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. С того света? Ты, Оленька, может быть, переутомилась?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Пока еще я в здравом уме! Только явился он! И не с того света, а с этого!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Ему сто лет через неделю! И погиб он, погиб! Пал смертью храбрых за светлое будущее!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. А его кто-нибудь погибшим видел? Просто считали так. Ушел бандитов брать, попал в перестрелку и не вернулся. А он не погиб! И вот... явился! Контузия у него была уник... ик... кальная. Восемьдесят лет пролежал в клинике без памяти и вот... встал!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Где же он сейчас?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. В нашей спальне отдыхает!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Может быть, мошенник? Сейчас чего не придумают, лишь бы разжиться за чужой счет!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. У него справка с печатью! Его сам участковый Авдеенко привел! И, потом, я его сама опознала!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Как же ты могла его опознать, если ты его ни разу в жизни не видела?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. А портрет? А фотографии? В конце концов, родная кровь подсказала!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Да-а, дела-а... Как-то не соображу даже... В газете прочел бы – поверил, а когда у тебя дома такое – не верится... Теперь журналисты пронюхают – с ума

сведут! Папарацци чертовы! (На цыпочках подходит к дверям в спальню.) Я только взгляну одним глазком...

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Не мешай, пусть спит!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Что ж, не выспался он что ли? Восемьдесят лет проспал, хватит пока!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Он в клинике лежал, под наблюдением. Как раз в нашем городе, точнее, за городом. А как очнулся – все вспомнил. И как зовут, и кто родные, и где жил, и где служил. Ну, все-все! Только эти последние восемьдесят лет ему одним днем показались, путается еще во времени. Все ему двадцатые годы кажутся, и нет-нет да про Дзержинского спросит, а то про Ленку Пантелеева какого-то. Писателя, что ли?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Бандит такой знаменитый был, чекисты за ним долго гонялись. (После паузы.) Ничего, путаница со временем – это естественно. Скоро отвыкнет.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Никак в себя не приду... Вот и не верь в чудеса!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Это не чудо. Хотя, признаюсь, и мне как-то не по себе. (Подходит к портрету.) Ну, здравствуйте, Григорий Калиныч... С возвращеньцем!

(КАТЕНЁВ незаметно выходит из спальни.)

КАТЕНЁВ. Спасибо на добром слове, товарищ! Ну, здравствуй!

(Леденцовы испуганно вздрагивают и поворачиваются лицом к Катенёву. ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ робко жмет протянутую ему руку Григория Калиныча.)

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Здравствуйте, Григорий Калиныч... С приездом...

КАТЕНЁВ. Говорил уже про приезд! Ну, еще раз спасибо! (Разводит смущенно руками.) Вот такие дела, дорогие мои... Не прогоните родственника?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Да вы что!.. Да как вы только могли такое сказать!.. Да чтобы мы...

КАТЕНЁВ. Шучу я! Верю! Да я много места и не займу. Можно я вот в уголке шинельку свою постелю?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Почему шинельку?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. И почему в уголке? Мы вам тахту уступим.

КАТЕНЁВ. Тахту? А это где?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Да вот она! А Лёка пока на раскладушке поспит, мы ему потом что-нибудь купим.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Послушайте, а что это мы все стоим? В ногах правды нет! Садитесь, Григорий Калиныч! (Все усаживаются.) Сейчас Лика должна придти. Вы ее еще не видели?

КАТЕНЁВ. Нет, не видел. Не успел!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Она в вас души не чаёт! Уважает очень.

КАТЕНЁВ. Приятно слышать... Однако она же меня совсем не знает?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Знает. Ей и мать, и бабушка про вас и про других чекистов порассказывали в детстве предостаточно. Вы для неё – как герой из сказки.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Как Иван-Царевич!

КАТЕНЁВ (грозно). Что? Как царевич?!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. А что я сказала? Я ничего такого не сказала... Вы для нее – герой. И для нас – герой.

КАТЕНЁВ. Ну, положим, я не герой, а самый обыкновенный сотрудник ЧеКа. Однако и не царевич. С ними – все! – покончено! Раз и навсегда!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Успокойтесь, Григорий Калиныч, покончено. (Пытается направить разговор в другое русло.) Такое дело как ваше... гм... возвращение, надо бы торжественно отметить.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Обязательно!

КАТЕНЁВ. Не время сейчас праздники праздновать. Проклятую гидру еще не до конца разгромили, опять же не всех бандитов перещелкали... Какие сейчас могут быть гуляния!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Какую гидру?

КАТЕНЁВ. Антанту. Чтоб ей повылазило проклятой!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Ее уже давно нет, Григорий Калиныч! Всё, конец ей настал!

КАТЕНЁВ (смущенно). Забыл... Опять забыл!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Зато теперь НАТО есть. Похуже Антанты зверь.

КАТЕНЁВ. Что за Ната?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Потом объясню. Долго рассказывать.

КАТЕНЁВ. Ничего, ребята, не горюй! Устоим! Была бы вера, а с верой никакой враг не страшен.

(Входит ЛИКА.)

ЛИКА. Здравствуйте! (Она весела, но веселье сходит с ее лица после того, как она, посмотрев на Катенёва, затем на родителей и портрет, вновь устремляет свой взгляд на Катенёва.) Вот это да...

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (мужу). Объясни ей... Я... У меня... (Крутит пальцами у висков.)

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Да, Лика, это – твой прадед. Григорий Калиныч Катенёв.

КАТЕНЁВ (протягивая руку Лике). Такие дела, Лика... Здравствуй!

ЛИКА (растерянно Катенёву). Можно я сяду? (Садится на стул.)

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ (Лике). Чудес не бывает, но иногда случается... Григорий Калиныч был тяжело ранен в бою. Уникальный случай! Восемь десятков лет проспал!

ЛИКА. Вот это да! (Протягивает руку к фуражке Катенёва). Можно?.. (Катенёв дает Лике фуражку). Настоящая?!

КАТЕНЁВ (кивнув головой). Видать, рукояткой нагана по затылку саданули. Вмиг сознания лишился, ничего не упомяну.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Теперь журналисты, ученые, прочие-всякие – все в дом повалят.

КАТЕНЁВ. А ты их гони! Я не клоун в цирке, а человек. Пригляжусь маленько – и в бой!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. В какой бой?

КАТЕНЁВ. Сама говорила: Ната России грозит. Что же, по-твоему, я в стороне отсидиваться буду?

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (не то с удивлением, не то с испугом переглянувшись с мужем). Нет, дедушка, с НАТО тебе уже не воевать. Отдыхай, ты свой отдых заслужил.

КАТЕНЁВ. Шутишь что ли? Как же это я сидеть буду, когда...

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ (ласково перебивает). Теперь другое время, Григорий Калиныч. Вы со своей саблей не воин. Увы, но это так! Дайте срок, сами все поймете.

КАТЕНЁВ. Что я пойму? Я и так все понял: Антанту отшили – Ната лезет. Ничего, и Нату отошьём! Городская ЧеКа где сейчас располагается? (Супруги Леденцовы ошалело смотрят друг на друга и молчат.) Ничего, своих я и сам найду!

ЛИКА. Восемьдесят лет прошло, Григорий Калиныч...

(Пауза.)

КАТЕНЁВ (с болью). Забыл!.. Опять забыл!.. (Садится на стул, низко опускает голову. После паузы.) Неужели я больше ни на что не сгожусь? Хоть кем, хоть куда – на всё согласен! Только отдыхать не заставляйте, помру я тогда...

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Не бойтесь, Григорий Калиныч, отдыхать вам не дадут. Ребя-тишки на разные встречи по школам затаскают.

КАТЕНЁВ (радостно). Коль надо – пусть таскают! Был бы прок!

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ (жене). Когда гостей созовём? Я думаю, завтра. Сегодня уже поздновато.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Конечно, завтра. А кого позовём?

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ. Я думаю, Илью Ильича с супругой. (Лика вдруг прыскает от смеха.) Ты что?

ЛИКА. Так... Фамилия у них смешная: «Сукинзон»!

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Зато со всем остальным этой семейке страшно повезло! (Мужу). Правильно, позовём Илью Ильича и Ингу Гавриловну. И Михаила с Павлом обязательно. Они тоже Григорию Калинычу родственники! (Нахмурившись.) Лишь бы Лёка свою банду не привёл... Весь праздник испортят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.